

Чи Юэ с силой оттолкнул её ногой, лицо его стало мрачным, как железо:

— Если бы не уважение к нашему учителю, ты думаешь, ты бы ещё дышала?! Эй, люди, уведите эту женщину!

— Нет, нет! Разве ты забыл, крёстный? Ты не можешь так со мной поступить, крёстный, крёстный... — Ху Чэдань, вытирая пот, поспешно увёл женщину, которая несла всякий бред.

Когда все ушли, Чи Юэ взглянул на оставшихся в зале Шуй Янь, Хань Янь, повара Лю и Линь Цзыюя и глубоко вздохнул.

Сев обратно на своё место, он устало потер виски:

— Доктор Линь, ты говоришь, что яд был обнаружен в чёрной курице?

— Да. Более того, тот, кто подсыпал яд, действовал очень скрытно и хорошо разбирался в фармакологии. Он, вероятно, начал кормить курицу ядом за три дня до её смерти, чтобы токсин проник в кости и кровь, и активировался при нагревании. Если бы не случайное изменение цвета одного из ингредиентов при контакте с бобами, я бы тоже не заметил ничего подозрительного.

— Откуда взялась эта курица?

Повар Лю ответил:

— Её принесла мисс Шуй Янь...

Шуй Янь тут же опустилась на колени:

— Докладываю, господин, курицу мне дал старейшина Хуан, сказав, что суп из чёрной курицы полезен для беременных. Тогда курица была ещё живой и бодрой, поэтому я не подумала ни о чём плохом...

Старейшина Хуан?! Чи Юэ глубоко нахмурился.

— Докладываю, господин, Хай Моцзунь просит аудиенции.

— Пусть войдёт.

— Господин, я нашёл и главу музыкального павильона, и старейшину Хуана. Глава павильона осмотрел пульс и сказал, что всё в порядке, выписал рецепт и ушёл. Старейшина Хуан сейчас во Дворе Беспомощности, присматривает за госпожой. Как вы прикажете... — Хай Шанфэй не успел закончить, как почувствовал, как мимо него промчался кто-то, словно ветер.

Подняв голову, он увидел, что нефритовый трон уже пуст.

Тонкая серебряная игла висела над головой спящего человека.

Рука Хуан Баньшаня дрожала, но он так и не опустил её.

Он прожил жизнь в хаосе и бездействии, но считал себя честным человеком, никогда никому не был должен, за исключением Цзян Мочоу.

Секрет Нерождения и неуничтожимости он рассказал этой женщине. Так произошла битва в Пещере Девяти Драконов, где глава демонической секты погиб, а его дух рассеялся.

Хуан Баньшань планировал вернуть Вместилище души в Долину Лазурных Глубин, но по пути столкнулся с тремя стариками с Горы Цинсюань, которые были в оплачиваемом отпуске. Чтобы избежать знакомых, он в спешке оставил Цзян Мочоу на заброшенном кладбище, но, к его удивлению, тело исчезло в мгновение ока.

И что ещё более удивительно, Цзян Мочоу воскресла. Когда она снова появилась, она полностью потеряла память и изменила характер, словно переродилась, превратившись из Вместилища души в обычного человека.

Самое ужасное было в том, что Чи Юэ влюбился в неё, предпочитая умереть самому, чем забрать её тело, рискуя оставить предательницу рядом, и даже согласился стать отцом её ребёнка, не наказав эту распутницу.

Теперь не только подчинённые были возмущены, но и три старейшины, которые обычно ничего не делали, высказались жёстко: эта женщина станет смертельной слабостью главы секты и большой угрозой для Секты Врат Преисподней.

Хуан Баньшань глубоко вздохнул и снова, стиснув зубы, достал серебряную иглу.

Цзян Мочоу, если ты злишься, злись на меня...

В этот момент дверь резко распахнулась!

— Остановись! — Голос Чи Юэ ещё не успел донестись, как он уже появился в комнате, его ладонь уже была направлена на Хуан Баньшаня.

Хуан Баньшань выпустил поток энергии пальцем, но Чи Юэ не уклонился и не защитился, без колебаний бросившись вперёд, не обращая внимания на кровавый цветок, распустившийся на его правом плече.

Серебряный кончик иглы пронзил ладонь, которая защищала голову Янь Були.

Капля алой крови выступила, покатила по ладони и упала на лицо спящего.

— Ты?! — Хуан Баньшань убрал руку, его лицо, покрытое морщинами, и каждая щетина на лице дрожали. — Волчонок, ты должен понимать, почему я хочу её убить.

— Я понимаю. Ты был тем самым убийцей той ночью, не так ли?

— Я делаю это для твоего же блага. Даже если ты откажешься от захвата тела, тысячелетнее наследие Секты Врат Преисподней не может быть разрушено ею!

— Старейшина Хуан, я знаю, что, родившись демоном и занимая эту позицию, я не имею права на малейшую ошибку. — Чи Юэ повернулся. — Но Цзян Мочоу — моя женщина, и в её животе мой ребёнок. Если я не смогу защитить их, то я даже не мужчина, не говоря уже о главе секты или владыке мира.

— Если ты захочешь, сколько ещё женщин может быть? Сколько детей? Почему ты выбрал именно эту грязную колдунью?

— Она не предала меня и никогда не предаст.

Хуан Баньшань усмехнулся:

— Как ты можешь быть уверен? Мне кажется, Цзян Мочоу не питает к тебе никаких чувств, не забывай о боли, пока рана ещё не зажила.

Потому что Янь Були — мужчина! И к тому же известный бандит на реке! Как он может изменять с кем-то? Надо бы Шуй Янь держать от него подальше...

Конечно, жениться на мужчине-бандите — это настолько позорно, что глава секты никогда не расскажет об этом.

— У меня есть способы контролировать его, старейшина Хуан, больше не трогай Цзян Мочоу.
— Лицо Чи Юэ стало холодным. — Это моё последнее предупреждение.

— Хм, глупый волчонок, я подожду, пока она снова воткнёт тебе нож в спину. — Хуан Баньшань махнул рукой и, ругаясь, вышел. — Тогда ты сможешь составить компанию этому дураку по фамилии Чжу! Если я ещё раз спасу тебя, то я черепаха...

Дверь закрылась, и в комнате воцарилась тишина.

Чи Юэ глубоко вздохнул, наклонился и мягко вытер каплю крови с лица человека большим пальцем, но не ожидал, что это прикосновение разбудит его...

Янь Були открыл глаза и, увидев, как рука старого демона лежит на его щеке, испугался:

— Ч... что ты делаешь?

Чи Юэ смущённо убрал руку:

— Я испачкал твоё лицо, просто вытираю.

— Чёрт, ты кончил мне на лицо?!

— ...

Янь Були понюхал воздух:

— Сильный запах крови, ребёнок ещё там?

— С ребёнком всё в порядке, просто отдыхай эти дни. — Чи Юэ подтянул одеяло, укрывая его плотнее.

— Нет... — Как только Чи Юэ приблизился, Янь Були почувствовал запах и, осмотрев его, сказал:

— Это у тебя кровь.

Настоящий собачий нос...

Чи Юэ только сейчас вспомнил о ране на плече, которую ему нанёс Хуан Баньшань. Так как он только что переоделся в чёрную одежду, крови не было видно, и он сам не придавал значения этой небольшой ране.

Но он не успел объяснить, как собеседник перебил его с ухмылкой:

— Старый демон Чи, ты тоже пришёл за этим?

Чи Юэ тут же встал и направился к двери:

— Я передумал...

— Куда ты?

— К старику Хуану.

— Зачем?

— Чтобы заколоть тебя!

Несмотря на тысячу нежеланий Янь Були, глава секты под предлогом заботы о ребёнке заставил его оставаться во Дворе Беспомощности. Так госпожа Цзян начала вести жизнь, похожую на жизнь домашнего животного: ела, спала, целыми днями лежала в постели, превращаясь в круглую солёную рыбу.

Однако жизнь заключается в движении, а рыба — в плавании. Тем более Янь Були с детства был непоседой, как он мог терпеть такую скучную жизнь? Не прошло и нескольких дней, как солёная рыба начала брыкаться...

— Господин, госпожа сегодня отказывается пить лекарство, говорит, что рецепт Лэ Цяньцю слишком горький.

— Госпожа почти не прикоснулась к обеду, жалуется, что блюда слишком пресные.

Чи Юэ только что вошёл во Двор Беспомощности, ещё не стряхнув снег с серебряной накидки, как две служанки наперебой начали жаловаться.

Этот парень совсем обнаглел? Осмелился морить моего сына голодом?

— Дайте мне лекарство. — Чи Юэ взял чашу с лекарством и вошёл в комнату.

Янь Були, одетый в просторную рубашку из белого атласа, с растрёпанными чёрными волосами, лениво лежал на кровати и читал «Дао Дэ Цзин». Благодаря мудрецам, он уже не засыпал после двух страниц, теперь он мог продержаться шесть или семь страниц, прежде чем глаза начинали закрываться...

«Небо вечно, земля долговечна. Небо и земля могут быть вечными и долговечными, потому что они не рождаются сами, поэтому могут существовать вечно».

Что хочет сказать старый Ли? — Янь Були, подперев щеку, размышлял.

Чёрт, эта пиратская книга — настоящий мусор, чернила размазаны, и никаких комментариев... — Он терпеливо посмотрел ещё раз и заметил в нижнем левом углу тонкую, как комариная лапка, пометку, вероятно, оставленную Цзян Мочоу: «Небо бесчувственно, поэтому вечно; земля не рождается, поэтому долговечна. Люди — не трава и не деревья, я — не мудрец, не стремлюсь к вечности, но хочу прожить жизнь без сожалений».

Янь Були вдруг вспомнил слова своего учителя: «Дао не вечно, имя не постоянно. Море может высохнуть, поле — затопить, небо — разрушиться, земля — состариться».

Мир меняется, сердца людей переменчивы, чувства остывают, кто может быть с кем-то вечно?

Если эта жизнь закончится, и я пойду один к краю мира, к концу человеческой жизни, кто осмелится сказать, что не будет сожалений?

<http://bllate.org/book/15303/1352401>